УДК 341.63

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ

В. Н. ШЕРЮКОВА
(Представлено: Т. В. Семёнова)

Проводится сравнительный анализ подходов к регулированию искусственного интеллекта в международном коммерческом арбитраже, закрепленных в EU AI Act и Модельном законе СНГ «О технологиях искусственного интеллекта». Показано, что прямое распространение технических стандартов высокорисковых систем на арбитраж создает неоправданный риск для экзекватуры. Обосновывается предпочтительность минимальных процессуальных стандартов.

Нью-Йоркская Конвенция 1958 г. была создана во время, когда единственным источником судейской власти являлось человеческое суждение. Стремительное развитие технологий заставляет человечество пересматривать существующую доктрину и вырабатывать новые подходы к регулированию устоявшихся институтов. В 2025–2026 годах в мировой практике появились первые дела, в которых использование искусственного интеллекта арбитром стало основанием для оспаривания экзекватуры арбитражного решения. В апреле 2026 года Суд высшей инстанции Квебека в деле ARIHQ c. Santé Québec (2026 QCCS 1360) впервые отказал в признании арбитражного решения. Все доктринальные и судебные ссылки в мотивировочной части оказались сгенерированными искусственным интеллектом (далее – ИИ). Таким образом, по мнению судьи, арбитр фактически делегировал алгоритму свою решающую функцию [1]. В деле LaPaglia v. Valve Corp. истец утверждал, что арбитр фактически передал функции модели ChatGPT, ссылаясь на обнаруженные «галлюцинации» – ссылки на несуществующие факты и обстоятельства, отсутствовавшие в материалах дела [2].

Большая языковая модель ИИ по природе своей представляет так называемый «черный ящик». Ни один человек не может достоверно оценить его логику, даже если будет читать исходный код. В ходе обучения алгоритм поглощает большие объемы информации, организуя ее в уникальную систему координат— «весов». Слова, чаще встречающиеся вместе, оказываются рядом и наоборот. При генерации ответа на запрос пользователя модель обращается к своей системе «весов» и выбирает следующее слово случайным образом. Мыслительного процесса в духе привычной человеку формальной или диалектической логики не происходит. В таком случае трудно определить, был ли нарушен, например, принцип состязательности сторон при вынесении арбитражного решения. Если в тексте будет обнаружена ссылка на не заявленные сторонами доказательства или прецеденты, то следует предполагать, что должных возражений они привести не имели возможности. Едва ли такое решение можно назвать справедливым. Однако будет ли этого достаточно для отказа в экзекватуре, остается усмотрением конкретного суда.

Одной из обязанностей суда экзекватуры является проверка иностранного арбитражного решения на соответствие публичному порядку. В континентальных правовых системах отсутствие заранее выработанных подходов создает дополнительные сложности. Когда дело касается арбитражных решений, вынесенных с помощью искусственного интеллекта, появляется правовой и доктринальный вакуум. На данном этапе в регионе нет соответствующей судебной практики или официальеых стандартов Суды вынуждены опираться на национальную доктрину, что может привести к различиям в оценке иностранных арбитражных решений.

Обращаясь к мировой практике, подобные стандарты, косвенно относящиеся к экзекватуре, уже были приняты Евросоюзом в EU AI Act [3]. В EU AI Act ИИ в международном коммерческом арбитраже прямо отнесен к высокорисковым системам. Альтернативные методы разрешения споров прямо упоминаются наряду с государственным правосудием относительно систем для поиска, интерпретации и применения норм права.

На постсоветском пространстве подобный акт был принят 18 апреля 2025 года Межпарламентской ассамблеей СНГ – модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта» (далее – Модельный Закон) [4]. В отличие от EU AI Act, нормы данного закона носят рекомендательный характер.

Статья 21 Модельного Закона прямо относит к высокорисковым технологии, связанные с доступом к данным институтов отправления правосудия. Для них установлены особые требования: сертификация, обязательное логирование, возможность контроля человеком и страхование ответственности [4]. Это подтверждает важность влияния ИИ, используемого в данной сфере. С формально-юридической точки зрения стандарты Модельного Закона не распространяются на международный коммерческий арбитраж, так как его нельзя прямо назвать правосудием. «Правосудие» - осуществляемая в процессуальном порядке от имени государства...» [5]. Однако, на иностранные арбитражные решения все же распространяются ограничения публичного порядка.

На этапе экзекватуры достаточно сложно оценить роль технологии в арбитражном процессе. ИИ, создаваемый для государственных судов или других институтов, будет изначально ориентирован на получение соответствующей сертификации, требующей, в том числе, раскрытия исходного кода. Используемые в международном коммерческом арбитраже модели ИИ являются коммерческими, а значит, вероятность их успешной сертификации мала, как минимум, исходя из необходимости соблюдения коммерческой тайны.

Поскольку невозможно установить для ИИ какие-либо технические стандарты, необходимо создать процессуальные механизмы, позволяющие оценить иностранное арбитражное решение на предмет соблюдения должной процедуры. Для обеспечения соблюдения принципа справедливого разбирательства нужно предусмотреть гарантии недопущения делегирования спора ИИ, равно как и злоупотребления недобросовестными участниками внешнеэкономической деятельности процессуальными гарантиями. Для обеспечения принципа правовой определенности выработанные общие подходы к оценке иностранных арбитражных решений будут способствовать предсказуемости экзекватуры.

Article 86 EU AI Act декларирует право стороны спора на получение разъяснений относительно влияния, оказанного ИИ на решение (в том числе арбитражное) [3]. Его стоит закрепить как процессуальный гарант для сторон спора. Это право должно реализовываться непосредственно в процессе арбитражного разбирательства. В данном случае должна быть применима доктрина утраты права на возражение. Сторона арбитражного разбирательства, осведомленная (либо при проявлении разумной осмотрительности должная быть осведомленной) о применении составом арбитража технологий искусственного интеллекта и не заявившая возражений без неоправданной задержки в ходе разбирательства, считается отказавшейся от своего права ссылаться на факт использования указанных технологий как на основание для отказа в его принудительном исполнении (экзекватуре). Таким образом станет невозможным недобросовестное использование принципа справедливого разбирательства. За исключением случаев, когда стороной будет доказана фактическая подмена судейского усмотрения (делегирование функции правосудия) либо иное фатальное нарушение публичного порядка.

В EU AI Act декларируется так же обязательный человеческий контроль. Одной из его гарантий является предусмотренное Article 12 ведение журнала событий – встроенное в модель автоматическое сохранение логов [3]. Таким образом действия арбитра при использовании технологии фиксируются и могут быть проверены при необходимости. Подобный механизм можно внедрить и для международного коммерческого арбитража. При использовании ИИ сохранение запросов арбитра и ответа на них алгоритма может послужить превентивной мерой, используемой впоследствии судом для оценки роли технологии в принятии решений.

Изложенный выше подход вызывает критику, поскольку создает неоправданный риск для экзекватуры иностранных арбитражных решений из-за соответствия применимого ИИ техническим стандартам. Ведь возможность логгирования зависит от самой модели. Однако в случае предоставления арбитром сведений об использовании ИИ в протоколах, они должны приниматься как доказательство его добросовестности, формирующее презумпцию подлинного судейского усмотрения.

Минимальные процессуальные ориентиры, такие как право стороны на получение разъяснений о влиянии ИИ на решение и фиксация взаимодействия арбитра с моделью позволяют обеспечить соблюдение принципа справедливого разбирательства и при этом разумно применять доктрину утраты права на возражение, предотвращая возможные спекуляции со стороны недобросовестных участников внешнеэкономической деятельности. Такие подходы дают судам экзекватуры достаточные инструменты для оценки того, сохранил ли арбитр реальный контроль над содержанием решения. Анализ EU AI Act и Модельного закона СНГ показывает, что прямое перенесение технических стандартов на международный коммерческий арбитраж создает неоправданный риск для экзекватуры, тогда как предложенные процессуальные механизмы представляются более сбалансированным решением.

Предложенные процессуальные механизмы позволяют сохранить баланс между необходимостью использования современных технологий и требованием реального судейского усмотрения. Они не создают избыточных барьеров для развития арбитража и одновременно дают судам экзекватуры понятные критерии оценки. В условиях отсутствия специального регулирования такие ориентиры способны снизить неопределённость и уменьшить риск фрагментации судебной практики. Закрепление права сторон на получение разъяснений о роли ИИ и фиксация взаимодействия арбитра с моделью могут быть реализованы как на уровне арбитражных регламентов, так и путём точечных изменений национального законодательства. В конечном счёте это будет способствовать повышению доверия к институту международного коммерческого арбитража в цифровую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Quebec Association of Intermediate Housing Resources v. Integrated University Health and Social Services Centre of South-Central Montreal : Arrêt de la Cour supérieure du Québec, 22 April 2026 : 2026 QCCS 1360 // Jus Mundi. –

[Montréal], 2026. – URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/fr-quebec-association-of-intermediate-housing-resources-v-integrated-university-health-and-social-services-centre-of-south-central-montreal-arret-de-la-cour-superieure-du-quebec-2026-qccs-1360-wednesday-22nd-april-2026 (date of access: 14.10.2026).

2. John LaPaglia v. Valve Corporation : Judgment of the United States District Court for the Southern District of California, 9 Dec. 2025 // Jus Mundi. – [San Diego], 2025. – URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-john-lapaglia-v-valve-corporation-judgment-of-the-united-states-district-court-for-the-southern-district-of-california-tuesday-9th-december-2025 (date of access: 14.10.2026).
3. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // EUR-Lex. – [Brussels], 2024. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:L_202401689 (date of access: 14.10.2026).
4. О модельном законе «О технологиях искусственного интеллекта» : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 18 апреля 2025 г. № 58-8 // Объединенный институт проблем информатики НАН Беларуси. – Мн., 2025. – URL: https://uiip.by/doc/pdf/model_law.pdf (дата обращения: 14.10.2026).
5. О Концепции и Структуре модельного Кодекса гражданского судопроизводства для государств – участников Содружества Независимых Государств : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, 16 июня 2003 г., № 21-6 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система. – Мн., 2003. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=n20300114 (дата обращения: 14.10.2026).